

Шестнадцатого апреля 1945 года. Западный берег Одера у местечка Рейнтвейн. Теплая весенняя ночь. Здесь, на маленьком плацдарме, от переправ до самого переднего края забитого танками, КП командарма Чуйкова, сейчас наблюдательный пункт Маршала Жукова. Лес на высоте сильно поредевший от артиллерийского огня, изрыт глубокими траншеями. Лабиринт ходов сообщения соединяет глубоко врытые в землю блиндажи, густые маскировочные сетки укрывают наблюдательный пункт. Здесь, в семистах метрах от переднего края, царит обстановка размеренно работающего штаба.

Наши войска готовы к последнему наступлению в Великой Отечественной войне. Сейчас слышно, как за переправами на восточном берегу продолжают двигаться бесконечные колонны автомашин, как здесь, в тесноте плацдарма проверяют моторы танкисты.

Стрелка приближалась к пяти часам утра, опустели ходы сообщений. Воцарилась необычайная тишина. Только теперь, внезапно, пораженные люди услышали, как в тишине весенней ночи звонко и беспечно, самозабвенно и нежно поют соловьи. Люди, нервы и воля которых сейчас были напряжены до предела, смутились. Все, что являлось им в беспокойном окопном сне, что вселяло надежду в ненастную, трудную пору, сейчас предстало перед ними близко, отчетливо, осязаемо, горячей волной захлестнув их души. Эту предрассветную песню сейчас слушали все: суровый маршал и солдаты, генералы и сидящие в своих боевых машинах танкисты, слушали те, кто, забыв на всю жизнь этот миг, расскажут потом о нем как о чуде, и те, которые об этом никогда уже не расскажут...

Внезапно оглушительный грохот космической силы потряс воздух и землю. Все небо озарилось багровым переливающимся и мигающим светом. Огромное пространство вокруг — холмы, леса, поле, пересеченное многочисленными окопами, стало видно, как днем.

Двадцать две тысячи стволов нашей артиллерии сметали с лица земли целые полки, сотни дотов, танки и склады боеприпасов фашистских войск, рассчитывая путь нашим войскам на Берлин.

Когда в назначенную минуту канонада стихла, в наступившей тишине я снова отчетливо услышал соловьиное пение. Изумленный, я спросил стоящего рядом со мной артиллерийского генерала:

— Вы слышите? Ведь это снова поют соловьи?..

— Да, поют. Только не снова... Они и не переставали петь, — и он привел мне соответствующие весьма точные данные из области биологии. Как оказалось, соловьи не слышали канонады, они продолжали петь все время!..

на меня, боясь ответить невольно.

— Да вроде... нет, товарищ майор, — сказал он виновато. — Сами знаете, езды вчерась было много...

Мы спешили. Первая группа танков, обтекая высоту, уже двигалась вперед, строго держась отмеченной вехами трассы. Это был проход, разминированный нашими саперами в эту ночь. Наш юркий «Иж» с трудом втиснулся в поток грохочущих «ИС-ов» и «Тридцатьчетверок». При помощи жестов мне не без труда удалось объ-

Здесь нас ограничивала техника. Наступили часы короткого отдыха, подведения итогов съемки, подготовки к завтрашнему дню. Еще до рассвета предстоит выезд к новому месту съемок по незнакомым, еще несколько часов назад отвоеванным, опасным дорогам. Сейчас в уютном, как говорят операторы, приспособленном к войне, съемке и жизни кузове машины немудреная фронтовая трапеца, и взволнованные рассказы о событиях минувшего дня.

Скупко перечисляются снятые эпизоды. Трудно давать авансы, не проявив пленку. Зато события, происходящие на их глазах в этот день, повествуют горячо, сопровождаются описаниями ярких деталей и подробностей. Особенно горько вспоминаются неснятые эпизоды.

Сто прожекторов, стоящих за спиной нашей наступающей пехоты, внезапно осветили поле боя, слепя противника, и вдруг — как говорят солдаты, «сыграли» несколько дивизионов «катиош». В облаке пыли и дыма мощные лучи прожекторов превратились в мутное зарево. Но все же это феерическое зрелище произвело потрясающее впечатление на противника, но наша пленка ничего не запечатлела!

Вспоминаем рассвет, когда в окопах появилось знамя полка. Взволнованные солдаты стояли замерев, и медленно плывущее над ними знамя скользило по их каскам, обнаженным головам, взволнованным лицам. Это была некая присяга перед боем, на пороге жизни и смерти. Ощущение слишком малой доли запечатленного на пленке по сравнению с виденным и пережитым в этот день, как, впрочем, это было и раньше, вызвало чувство глубокой неудовлетворенности, досады на нашу несовершенную технику.

Возбужденный событиями дня, усталый, лежа на узкой койке в кузове «коломбины», как ласково называли свою машину операторы, я, все еще противясь сну, пытался вспомнить события этого длинного дня, но это было выше моих сил. Проваливаясь в желанную пучину сна, я, как наяву, слышал чародейские трели соловьиной песни, представил себе Толю, юношу-разведчика, спящего под чудовищную канонаду, которая, впрочем, теперь не смогла бы разбудить и меня.

Леон СААКОВ, режиссер-постановщик,
заслуженный деятель искусств РСФСР

СОЛОВЬИ

Стало медленно светать. Далеко, из-за Одера послышался низкий гул тысячи моторов.

В светлеющем небе, в четком строю, как на параде, шли на запад наши бомбардировщики.

Первые лучи солнца в это памятное утро блеснули на крыльях маленьких, грозных истребителей, охраняющих нашу воздушную армаду, кружась в высоком куполе светлеющего неба. Первая волна бомбардировщиков вышла на цель.

Из земли, дыма и огня, казалось в полной тишине, возникли и рушились, и снова вырастали фантастические горы.

Взошло солнце. Грохоча и чихая, один за другим, как бы перекликаясь, заводились танковые моторы. Сизо-голубая дымка выхлопов окутала колонну, готовую к прорыву. И мне пора было двигаться вперед.

Спустившись по склону высоты, на которой находился КП Маршала Жукова, я быстро отыскал замаскированный в кустах мотоцикл. Толя, разведчик-мотоциклист, крепко спал, положив под голову танкистский шлем. Я разбудил его. Мгновенно поднявшись, он доложил:

— Бак и канистры полностью заправлены. Пораньше лег отдохнуть... Виноват, товарищ майор, чуть не проспал...

— А ты арподготовку слышал? — спросил я, усаживаясь в свою «коляску».

Толя настороженно смотрел

яснить танкистам свою просьбу. Теперь мы двигались между «Иссами», глотая пыль и гарь, рискуя при каждом резком торможении попасть под гусеницы. Так начался этот длинный день после удивительно короткой ночи.

Встреча с Маршалом Жуковым и генералом Телегиным на наблюдательном пункте, чудовищная канонада, тысячи самолетов над головой, ожесточенная штурмовка фашистскими асами танковой колонны, в которой мы двигались на своем мотоцикле, атака наших танков укрепленного узла обороны у развилки дорог — все это слышал в какой-то неправдоподобно длинный, перенасыщенный событиями день. Пули фашистских асов, звенящих на броне идущего рядом танка, шальные снаряды, рвущиеся перед нами на дороге, стрельба по нашему мотоциклу из бронетранспортера, который на наших глазах был уничтожен нашим танком, и бесконечная путаница незнакомых дорог, и перед самым вечером «вынужденная посадка», где-то недалеко от Зееловских высот.

В густых вечерних сумерках около полуразрушенного фольварка я заметил знакомые очертания двух операторских машин с белеющим на бортах изображением трехлопастного обтюратора. Как всегда, с темнотой заканчивались съемки, как бы ни был важен объект съемки.